Хуан Чжаньинь обливался слезами, колотил себя в грудь и распинался так складно, что, казалось, даже сам проникся собственной речью. Однако человек, сидевший напротив него, был законченным чревоугодником с холодным, как камень, сердцем.

Ся Ян не проявил ни малейшей реакции и продолжал с наслаждением поглощать тофу из своей часки.

Неужели я, такой красавец, как Хуан Чжаньинь, оказался менее привлекательным, чем порция тофу с крабовой икрой? Терпение лопнуло!

Великий ведущий в ярости хлопнул по столу:

— Эй, старина Ся, чего ты молчишь?

Ся Ян, услышав это, наконец отложил ложку, поднял голову и неторопливо произнес:

— Твои намерения уже шиты белыми нитками. Если я заговорю, наш диалог утратит всякую искренность, поэтому мне нечего сказать.

Хуан Чжаньинь опешил. Что за бред он несет?

— Говори по-человечески!

Ся Ян послушно перешел на человеческий:

— Не пойду, значит не пойду. Сколько бы ты ни болтал, это бесполезно.

— Ну ты даешь! Мы столько лет дружим, а ты вот так мне отказываешь? Тебе не стыдно? Это, по-твоему, человеческий язык? Не пойдет, не пойдет, забери свои слова обратно и скажи нормально!

Ся Ян моргнул:

— Ты что, не человек?

Хуан Чжаньинь озадачился:

— Конечно, человек!

— Тогда как же слова, которые ты понимаешь, могут быть не человеческими?

Хуан Чжаньинь задохнулся от возмущения. *Не злись, не злись, от злости одни болезни, а заменить меня никто не сможет. Ради рейтинга, ради светлого будущего, Хуан Чжаньинь, терпи! Мир и любовь.*

Поубеждав себя добрую минуту, Хуан Чжаньинь сквозь зубы выдавил улыбку:

— Ладно, тогда я прошу отмотать назад и ответить на вопрос еще раз.

Ся Ян, глядя на искаженное лицо Хуан Чжаньиня, захлопал глазами. Во взгляде его ясно читалось: «У тебя что, с головой проблемы?»

Хуан Чжаньинь проигнорировал это и поторопил:

— Спрашивай уже!

Ся Ян нехотя тяжело вздохнул:

— Слушай, нам обоим скоро под тридцать, а ты все никак не выйдешь из возраста восемнадцати лет?

Киноактер Ся не зря носил свое звание: даже оскорбление за незрелость прозвучало у него так свежо и утонченно, что ведущий Хуан снова подавился воздухом.

Но кто такой наш Хуан Чжаньинь? Будучи ведущим золотого уровня, он сделал карьеру в шоу-бизнесе именно благодаря своему подвешенному языку! Разве мог он так легко сдаться?

Хуан Чжаньинь быстро нашелся и, умело подстроившись под тон беседы, затараторил:

— Это называется юношеский склад ума, тебе такому не достичь. Впрочем, как говорится, с кем поведешься, от того и наберешься. Если так завидуешь, приходи на наше шоу. Я готов пожертвовать собой и поделиться с тобой энергией юности. Гарантирую: во время съемок ты будешь каждый день в отличном настроении, станешь спокойнее, не наберешь лишнего веса и навсегда останешься восемнадцатилетним.

Его псевдологичные доводы сыпались один за другим, словно порей на грядке, и Ся Ян не удержался от смешка.

А-Инь, конечно, бывает невыносим, но все же по-своему забавен.

Хуан Чжаньинь, не слышавший мыслей Ся Яна, от этого смешка пришел в ярость, аж лицо позеленело.

— Ты еще смеешься надо мной? У нас такие близкие отношения, а ты насмехаешься?!

Ся Ян: «…» Слишком много поводов для критики, не знаешь, с чего начать.

Ся Ян чувствовал себя совершенно невиноватым — он ведь просто улыбнулся.

Хе-хе.

Какая приличная улыбка, но почему в глазах нынешней молодежи это слово приобрело такой грязный оттенок? С каких это пор стало так? Когда это «хе-хе» превратилось в насмешку? О чем вообще думают эти молодые люди? Почему они лишили меня права просто улыбнуться? Это упадок человеческой природы или деградация морали?

Добродетельный юноша Ся Ян испустил одинокий и беспомощный вздох. В этот миг он почувствовал, что эпоха его окончательно выбросила за борт.

Однако Хуан Чжаньинь явно не собирался так просто оставлять его в покое:

— И что это за вздохи такие? Ладно еще смешки, но ты вздыхаешь после них — неужели я тебе настолько неприятен?

И правда, не стоило соглашаться идти с ним обедать, — Ся Ян мучительно прикрыл уши, мысленно успев пожалеть об этом уже триста семьдесят восемь раз.

С того момента, как Хуан Чжаньинь сел за стол, его рот не закрывался ни на секунду. Если подсчитать, он болтал без умолку уже целых два часа, и, судя по всему, собирался болтать еще столько же.

Подумав об этом, Ся Ян внезапно проникся сочувствием к самому себе, а также к своим ушам.

— Закрой рот и отсядь от меня подальше.

Ради спасения собственных ушей Ся Ян решительно призвал друга к порядку.

Внезапно получив такой отпор, великий ведущий замер, уставился на Ся Яна, а затем в его голове блеснула гениальная идея.

— Ты на меня кричишь? — губы Хуан Чжаньиня дрогнули, он внезапно изобразил горькую обиду, фыркнул и отвернулся. В довершение всего, будто окончательно дуясь, он отодвинулся подальше. — Ся Ян, у тебя нет сердца!

Актерская игра была откровенно слабой. Ся Ян сдержал смех, мысленно поставив ведущему ноль баллов. Он лишь моргнул и ответил:

— По сравнению с сердцем, мне важнее мои уши.

— Ну ты даешь, ты что, мною брезгуешь?

Ся Ян развел руками:

— Я говорю факты.

Хуан Чжаньинь с шорохом пододвинулся обратно и начал сводить счеты:

— Даже не думай! Вспомни, кто каждый раз прикрывал тебя на общих мероприятиях, помогая быстро ускользнуть от прессы? Ты в прошлый раз сам сказал, что задолжал мне услугу!

Ся Ян:

— Насчет этого не переживай, долг я верну.

— Тогда приходи на наше шоу! Не бойся, мы снимаем повседневную жизнь, никакой тяжелой работы, никакой нагрузки на мозг. Это позволит зрителям увидеть твою самую настоящую сторону, а мне — добавить тебе очков в глазах публики и подчеркнуть твое обаяние. Это особенно полезно для таких людей, как ты, которых вечно понимают неправильно. Можешь не благодарить за то, что я так стараюсь отмыть твою репутацию.

Хуан Чжаньинь продолжал горячо убеждать, пуская в ход все возможные методы и раздавая невыполнимые обещания, которые звучали крайне неблагонадежно.

http://bllate.org/book/36621/4553721